

ПРЕДСТАВЬТЕ себе молодого человека, за тридцать, уроженца города Кермеров, филолога по образованию, проживающего ныне в Калининграде. Он приезжает в Москву с собственным сочинением под интригующим названием "Как я съел собаку", сам же его и читает. И становится сенсацией, открытием, родоначальником новой моды на театре, а спустя какой-нибудь год с лишним - лауреатом "Антибукера" и "малой" премии "Триумф". Произведения его только в столице идут в репертуаре или показываются им самим регулярно все, без исключения, в количестве семи. Свежая премьера - "Город" в Театре Табакова. Автор широко гастролирует по Европе и Америке. Кто же он? Счастливчик, везунчик или новоявленный гений? Имя его - Евгений ГРИШКОВЕЦ.

Загадка Евгения Гришковца

Искренность как метод?

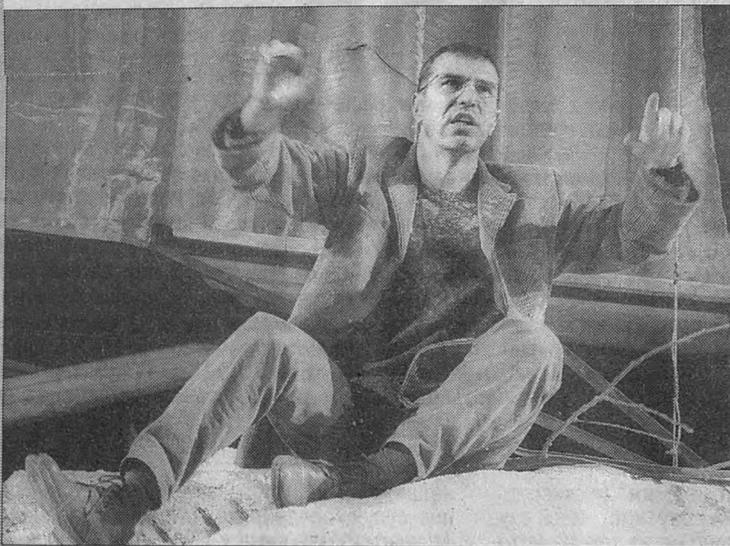
СОЧИНЕНИЯ Гришковца произрастают из множества разных впечатлений, из разного сора. Это иногда напоминает метод акына - что вижу, то и пою. А иногда отдает дилетантизмом и, если можно так выразиться, словесной графоманией, тут бы Фрейд помог. Из потока сознания и примет узнаваемой жизни так и не рождается Театр, как у Петрушевской. Наверное, подобные случаи были у каждого, когда подсядет где-нибудь в кафе человек и давай тебе душу открывать да пошире распахивать, как Мармеладов. И говорит так складно да жалостливо, и так вроде искренне, что и послать его воспитание не позволяет, и не отвяжешься никак. Роль такого вот, в общем, безобидного и трогательного, хоть и несколько назойливого, собеседника и играет для нас с фантастическим успехом Гришковец. Кто-то умиляется им в восхищении. А кто-то начинает испытывать раздражение: да сколько же можно слушать этот сбивчивый тихий голос человека, выплескивающего на тебя буквально все, всю душу выставяющего напоказ? Причем он явственно слышен у всех его персонажей в его отсутствие.

С другой стороны: не любо - не слушай. И тех, кому "не любо", у Гришковца достаточно, хотя критиковать его натирает рука не поднимается. Ну пусть себе исповедует, пока ему внимают с разинутыми ртами и "прослезненными" глазами. Пусть себе и дальше веточками машет на сцене, изображая ветер, и игрушечные спутники запускает, и мотылька на палочке качает. Все длит и длит собственный нескончаемый творческий вечер, именуемый в разных обличьях "спектаклями" и "постановками", свое незжитое детство ("большой ребенок" - самое точное амплуа Гришковца). Хотя бы опостылевшей всем нам чернухи в этом нет, и на том спасибо. А то, что нет ни настоящей драматургии, ни новых героев, характеров, за исключением самого автора, ни собственно Театра - так ли уж это важно? Быть может, как раз и соскучились мы по наиву, по театральному примитивизму?

Но что с Гришковцом станет, когда он попросту наскучит или вычистит душу до доньшка (а глубинных-то бездн в душе его что-то пока не чувствуется)? Так и стоит он перед глазами в начале "Планеты", переминающийся с ноги на ногу на сцене: извиняющимся тоном просит отключить мобильники, рассматривает носки ботинок, оглядывает зал: "Ну, я не знаю, что еще сказать..." Правда, я узнала, что этот "трюк" он продельывает на каждом спектакле, и это уже само по себе показательно. Искренность хороша, пока не становится всего лишь приемом. Или товаром?

Марина МУРЗИНА

Фот. Геннадия УСОЕВА

От любви до писсуара

НАЗВАТЬ его сочинения (помимо "Собаки" - это "Зима", "Дредноуты", "Записки русского путешественника", "Одновременно", "Планета", "По-По") пьесами как-то язык не поворачивается. Поэтому назовем их именно сочинениями на вольные темы, излагаемыми на публике, со сцены либо от первого и единственного лица, либо "с привлечением" еще одного-двух лиц, с автором или без него. Конечно, магнит в том феномене, в той загадке, которые являют собой творчество Гришковца, - это он сам, его интонация. Непафосная, живая, трогательная, искренняя. Гришковец умеет быть особенно убедительным один на один с залом и "держат" внимание, но что же дальше при отсутствии крепкой драматургии, режиссуры и прочих составляющих театра?

Он говорит со сцены свои монологи сбивчиво, поминутно умолкая, теряясь, запинаясь, как бы подыскивая слова. И это действительно рождает подкупающую, "непричесанную" интонацию откровения, как в редкие минуты исповеди. Он разговаривает о том, что ему близко лично и, чаще всего, близко и понятно каждому, кто способен воспринимать жизнь не только рассудком, ощущать одиночество, грусть или необъяснимое мимолетное счастье. На его творческой кухне перемешаны детские и армейские воспоминания и опыт человеческих обещаний, в ход идет все - от мерцающих звезд и романтически наивных рассуждений о том заветном, что автор даже назвать-то не решается - "любовь", до... писсуара.

Аргументы и факты. 2002. - кн. (№) - с. 21